

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ II. Книга 1
(Киевская и Московская Русь)

Составители *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

ББК 63.3(2)46–7
И 32

Федеральная программа книгоиздания России

ц 32

Из истории русской культуры. Т. II; Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 944 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0142-0

В настоящем издании собраны работы, посвященные различным аспектам истории Киевской и Московской Руси. Труды, вошедшие в сборник, создавались на протяжении последних полутора столетий. Некоторые из них успели стать библиографической редкостью, но не утратили своей актуальности. В большинстве работ обсуждаются вопросы, споры вокруг которых не утихают и по сей день.

Контакты Руси с Востоком и Западом, становление институтов власти и права, формирование государственной символики — эти и многие другие исторические сюжеты объединяют представленные в сборнике публикации. Читатель найдет здесь и ряд работ, анализирующих религиозно-культурную ситуацию Киевской и Московской Руси, особенности литературного языка и искусства этой эпохи.

ццц 63.3(2)46–7

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-7859-0142-0

© А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский.
Составление, 2002

© Авторы, 2002

© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	7
<i>В. Л. Комарович.</i> Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.....	8
<i>А. А. Архипов.</i> Об одном древнем названии Киева	30
<i>В. В. Мошин.</i> Русь и Хазария при Святославе	47
<i>П. Мутафчиев.</i> Русско-болгарские отношения при Святославе	67
<i>Д. Расовский.</i> Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии	82
<i>В. Томсен.</i> Начало русского государства	143
<i>В. А. Брим.</i> Путь из варяг в греки	227
<i>А. В. Назаренко.</i> Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований.....	261
<i>В. В. Мошин.</i> Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв.	309
<i>Дж. Маджеска.</i> Русско-византийские отношения в 1240—1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы	358
<i>И. П. Медведев.</i> Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV века	374
<i>Б. Н. Флоря.</i> О путях политической централизации русского государства (на примере Тверской земли).....	381
<i>Х. Ловмянский.</i> Русско-литовские отношения в XIV—XV вв.	391
<i>И. Ф. Мейендорф.</i> Флорентийский собор: причины исторической неудачи.....	397
<i>Н. А. Казакова.</i> Известия летописей и хронографов о начале автокефалии русской церкви.....	415
<i>Дм. Стремоухов.</i> Москва — Третий Рим: источники доктрины.....	425
<i>М. Чернявский.</i> Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории	442
<i>А. М. Панченко, Б. А. Успенский.</i> Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха	457
<i>А. Соловьев.</i> Великая, Малая и Белая Русь	479

<i>Ф. Успенский.</i> Брак царя Ивана Васильевича III с Софьей Палеолог.....	496
<i>В. Водов.</i> Замечания о значении титула 'царь' применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века.....	506
<i>В. Водов.</i> Титул 'царь' в северо-восточной Руси в 1440—1460 гг. и древнерусская литературная традиция.....	543
<i>А. Золтан.</i> К предыстории русск. «государь».....	554
<i>Г. Алеф.</i> Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II.....	591
<i>А. С. Мельникова.</i> Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти.....	610
<i>Г. Алеф.</i> Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного.....	621
<i>Н. В. Синицына.</i> О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV—XVI вв.).....	642
<i>И. Забелин.</i> Археологическая находка (решение вопроса о Царском месте, или так называемом Мономаховом троне, в Успенском соборе).....	649
<i>В. М. Живов.</i> История русского права как лингвосемиотическая проблема.....	652
<i>А. Д. Седелников.</i> Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению.....	739
<i>С. М. Кашианов.</i> Церковная юрисдикция в конце XIV — начале XVI в.....	754
<i>А. Золтан.</i> Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в.....	766
<i>В. В. Мошин.</i> О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.....	805
<i>А. И. Соболевский.</i> Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв.....	888
<i>Г. И. Вздорнов.</i> Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв.....	919
<i>М. Ф. Мурьянов.</i> «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде» (славянские параллели).....	953

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В нашем сборнике представлены работы, посвященные истории Киевской и Московской Руси, создававшиеся на протяжении последних полутора столетий. Хотя многие из этих работ написаны достаточно давно и с тех пор в науке накоплено немало новых сведений, острота проблем, поставленных когда-то их авторами, на наш взгляд, не утратилась. Более того, эти тексты, как кажется, многое могут подсказать и напомнить современному исследователю, а между тем некоторые из них стали библиографической редкостью или рассеяны в журнальных публикациях. Ряд из опубликованных здесь статей впервые переведены на русский язык.

Мы не ставили перед собой задачу добиться полноты отражения шестисотлетней истории Руси, это было бы и невозможно в рамках одного сборника. Собранные здесь работы представляют интерес как с исторической, так и с филологической точки зрения и характеризуют некоторые культурные механизмы эпохи в целом. Поэтому за пределами данного тома могли остаться многие интересные исследования, посвященные более частной проблематике — лингвистической, археологической, генеалогической, источниковедческой и т. д.

Мы стремились представить Киевскую Русь не как строго очерченную замкнутую историческую эпоху, а, скорее, как колыбель многих культурно-исторических процессов, получивших дальнейшее развитие в Руси Московской. Вопрос о киевском наследии был, как кажется, чрезвычайно актуален при собирании русских земель вокруг Великого княжества Московского. В свою очередь, история Московской Руси важна не в последнюю очередь как начальный этап формирования имперской идеологии и символики.

Предлагаемые читателю статьи образуют несколько условных тематических рубрик. Так, в частности, одной из особенностей нашего сборника является внимание к внешним контактам Руси с Востоком и Западом, здесь приоритет отдавался работам, помещающим русскую историю в общий контекст истории Средневековья. Другим тематическим ядром, вокруг которого сгруппирован ряд работ, является проблема зарождения и развития институтов власти и права. Особое внимание было уделено государственной символике, регалиям, титулатуре и другим наглядным выражениям становления государственной идеологии. При отборе текстов мы не могли не включить и ряд работ, посвященных религиозно-культурной ситуации Киевской и Московской Руси и особенностям литературного языка и искусства в этот период.

Как кажется, материалы сборника позволяют увидеть то общее, что связывало историю Киевской Руси и историю Руси Московской. Надеемся, что предлагаемая «хрестоматия» будет интересна не только специалистам разных научных школ, направлений и поколений, но и просто читателю, равнодушному к исторической проблематике.

*А. Ф. Литвина,
Ф. Б. Успенский*

В. А. Комарович

КУЛЬТ РОДА И ЗЕМЛИ В КНЯЖЕСКОЙ СРЕДЕ XI—XIII вв.*

Язычество на Руси, никогда не располагавшее собственной письменностью, всегда держалось не догмой, а обычаем; обычай же для таких отдаленных эпох, как XII—XIII вв., легче всего уловим благодаря состоянию источников в области права, и в частности права княжеского.

Полон выразительности в этом смысле один летописный эпизод из числа посвященных Андрею Боголюбскому.

В период окончательного назревания того культурно-исторического кризиса, жертвой которого стал этот князь, у него произошло столкновение на юге с группой князей смоленских, Ростиславичей, о чем рассказывает Ипатьевская: «Того же лета Андрей, князь Суждальский, разгневался на Ростиславичи... исполнившись высокоумья, разгордევсья вельми, надеясь плотной силе и множеством вой огородився, ражегся гневом и посла Михна мечьника, рек ему: едь к Ростиславичемь, рци ти им: не ходите в моей воли, ты же, Рюриче, пойди в Смоленск, к брату во свою отчину; а Давыдови рци: а ты пойди в Берладь, а в Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: в тебе стоить все, а не велю ти в Руськой земле быти». Но Мстислав, по отзыву летописца, «от уности навькл бяше не уполошится никого», и вот как поэтому реагировал он на высокомерный этот приказ: «повеле Андреева посла емше постричи голову перед собою и бороду, рек ему: “иди же ко князю своему и рци ему: мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякими речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тое дей, а бог за всем”». «Андрей же то слышав от Михна, — продолжает летописец, — и бысть образ лица его попуснел; и возострися на рать». Вся выразительность этого эпизода для истории междукняжеских отношений не ускользнула уже от первого их исследователя, положившего его в основу той части своего очерка, которая говорит о периоде междукняжеской борьбы «не за волости отцовские и не за старшинство, но за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовой быт, который хотят упразднить Юрьевичи»¹. Не упускали из виду выделенный нами эпизод и историки, весьма уж далекие от научных фикций «родовой теории» Соловьева. Никто, однако, не обратил до сих пор внимания на примененную в этом споре весьма примечательную обрядность: нанесение одним князем другому, в лице посла, особого оскорбления, коренившегося, несомненно, в обычае, потому что, не-

* Печатается по изд.: ТОДРА. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.

¹ См.: С. М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М., 1847, с. 223.

смотря на всю мелочность казуса (с волосами и бородой), он проник все-таки в древнерусское законодательство: «А кто порветь бороду, — читаем в Правде Ярославичей, — а воньмет знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже»; тут же рядом стоящая оговорка: «Аже без людии, а в поклепе, то нету продаже», — поясняет ту подробность нашего рассказа, согласно которой остричь мечника Михна Мстислав велит «перед собою», в своем присутствии, и, значит, сам выступает не только обидчиком, но и «видоком» нанесенной Андрею обиды, нарочито придав ей, таким образом, не только заведомость, но и гласность. И что эффект, на который все это было рассчитано, был достигнут, летописец тоже указать не забыл: при виде возвратившегося посла у Андрея «образ лица его попусел», т. е. осунулся. Оскорбление, судя по всему, было тягчайшим. Оно и любопытно в этом смысле, как мерило того, чем было вызвано, — обиды, нанесенной Мстиславу словами Андрея: «не велю ти в Руской земли быти».

Такого рода приговоры междукняжеской юрисдикции известны из летописей и раньше: изгнан был Всеволодом Ярославичем племянник Олег (в 1078 г.); изгнаны были Мстиславом Владимировичем полоцкие князья (в 1140 г.); наконец, своих родных братьев, мачеху и племянников изгнал за несколько лет до распри с Ростиславичами и Андрей Боголюбский (1162 г.). Все эти однородные кары имеют, сверх того, ту общую черту, что все если и не были продиктованы прямо собственными интересами Византии (как это было, например, в отношении Олега), то по крайней мере осуществлялись всегда представителями как раз той княжеской ветви (Всеволода Ярославича), которая с Византией была связана родством и подражанием непосредственно. Замысел наказания указанной карательной меры (в отношении младших князей со стороны старших) из аналогичной практики императорской юрисдикции доказывается уже тем, что как в 1078 г., так равно и в 1140 и 1162 гг. место княжеской ссылки избиралось в пределах империи, а в одном случае — с Олегом — к тому же еще и на острове Родосе, точь-в-точь как в самой империи для опасных царствующему дому претендентов на власть: в такую, например, ссылку «во острова», согласно хронике Манассии (глава 175 русского хронографа), отосланы были Константином Багрянородным дети узурпатора Романа; при Михаиле Диогене — его преемник на троне Роман (глава 187), при Михаиле Пафлагоняине — его преемник Константин Мономах (глава 182), тот самый дед по матери нашего Владимира Мономаха, родство с которым этого князя как раз особенно и способствовало византинизации междукняжеских отношений. Кара эта в Византии в те века применялась настолько часто, что был выработан специальный термин «сотворить островены», согласно русскому переводу Манассии. Переданный Мстиславу Михном приказ Андрея: «не велю ти в Руской земли быти» — имел, таким образом, за собой столетнюю уж традицию и непосредственно вытекал все из того же стремления Андрея византизировать междукняжеские отношения, по образцу императорской супрематии. Этой-то традиции, а вовсе не личному только самодурству Андрея Мстислав и противопоставил со всей решительностью свой сильный ответ, тоже облекши его не в форму личного непослушания, а опять-таки в традиционные формы народно-правового обряда. Как можно догадываться, в нормах народного, или обычного, права коренилось и негодование Мстислава на самый приказ Андрея — на его византийские претензии неограниченного властвования — негодование, вполне разделяемое на этот раз и летописцем...

Чтобы выяснить, каковы же эти погранные Андреем нормы княжеского обычного права, взглянем в ответ Мстислава: «мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякими речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку» и т. д. «Сякие речи» и есть приказ «в русской земле не быти»; он, как оказывается, несовместим, во-первых, с отцовством великого князя, а во-вторых, с княжеским достоинством вообще. Этому последнему со всей резкостью противопоставляется то, что С. М. Соловьев называл подручничеством, понимая его как позднейшее подданство², а Н. М. Карамзин, с гораздо большим пониманием сути дела, — вассалитетом³. Андрей, вводя византийские порядки, вместе с тем держал себя с остальными князьями как феодальный сюзерен. Необычность такого рода отношений, несмотря на столетнюю уже давность, со всей яркостью и проступает в гневной реплике Мстислава Ростиславича. Принадлежность к одному и тому же роду русских князей, хочет он сказать, уже сама по себе предполагает как нечто никому индивидуально неподсудное и в обычных условиях непререкаемое участие каждого родича в общем властвовании Русской землей; посягнуть на это право можно, с точки зрения Мстислава, лишь ценой полного разрыва родственных связей — значит, или предварительно извергнуть из рода того, кто потом только и мог быть изгнан (как, вероятно, предполагалось поступить с ослепителем Василька), или обречь на такое извержение самого себя, если изгнание сильным слабого совершено по личному произволу. И, применив, очевидно, второй из возможных случаев к Андрею, Мстислав это-то, конечно, и постарался выразить отсылкой к нему обратно его остриженного посла: так обесчестить можно было, должно быть, только того, чье бесчестие не задевало уже общей родовой чести и кого, следовательно, наносящий бесчестие своим родичем больше не считал. По крайней мере как раз в знак отказа в требуемой волхвами княжеской юрисдикции, — «нама предстати пред Святославом», — заявляли они, — Ян Вышатич, за сто лет до Мстислава, применил к ним то же, что этот последний к мечнику Михну: «Ян же повеле бити я и поторгати браде ею... проскепом». Русская земля и княжеский род, согласно обычно-правовому воззрению Мстислава, оказываются связанными неразрывно. Наблюдение не новое: из него и выросла в свое время «родовая теория», вся ошибочность которой начинается, однако, не здесь, а дальше, при попытке объяснить эту правовую основу междукняжеских отношений не из архаического обычая, а из современных им социальных фактов: господством на Руси якобы до XII в. включительно родоплеменных союзов как преобладающей формы хозяйственного объединения.

Несостоятельность этой гипотезы теперь вне сомнений. Объяснения междукняжеским отношениям XI—XIII вв. надо, конечно, искать не в ней; обратив с этой целью внимание на обычное право, например на славянское семейное право, предлагал, вслед за Ф. И. Леонтовичем, А. Е. Пресняков (см. его «Княжое право в древней Руси». СПб., 1909). На невозможности же прямых приравнений «союза князей XI—XIII вв.» к тем или иным социальным формам тогдашней «действительной жизни» еще категоричней настаивал М. Дьяконов. «Но что же

² См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., с. 506.

³ «Слово подручник в древнем русском языке знаменовало то же, что латинское *vassus*» [см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III (любое издание), прим. 18].

такое союз князей и его орган — княжеские съезды? — спрашивал он. — Действительные это факты или акты идеального сознания? Если союз признавался лишь в принципе и весьма часто нарушался практикой, если съезды предполагают лишь участие всех князей, а действительность не знает ни одного такого съезда, то не следует ли отсюда заключить, что все это существовало не в действительной жизни, а в сознании современников? Это факты из истории общественного сознания, а не из истории учреждений⁴. Как раз к фактам общественного сознания — к двум противоборствовавшим в умах XII в. концепциям княжеской власти — привел и наш анализ типического бытового эпизода из летописи. Остается только типизировать его до конца.

Единство княжашего на Русской земле рода, в которое упирается скрепленный обрядом ответ Мстислава, для XII в. не в меньшей мере, так сказать, умозрительно, чем противоположная идея великокняжеской супрематии: в жизни той переходной эпохи ни тому, ни другому прямых соответствий нет. Есть зато большая историко-культурная перспективность, по крайней мере для идеи супрематии, этой квинтэссенции византизма, наркотическому воздействию которой подлежало еще впереди не одно столетие русской жизни. Но какова обратная перспективность вспять, в прошлое, у идеи земли и рода? Обычное право, к которому эта идея нас привела, в конце XII в. имело уже, несомненно, все признаки историко-культурного пережитка; даже в сводах XI—начала XII в. сходные отголоски обычного права, с типичным формализмом словесных формул, вроде, например: «а мне уже его (их) не кресити» при мнимом отказе от кровной мести Ольги (под 945 г.) и одинаково Ярослава (под 1015 г.) или «ввергlesi ножь в ны» при обвинении родича в пролитии родной крови (под 1097 г. дважды и под 1100 г.) — носят на себе бесспорную печать древности. Тем больше оснований искать источник соответствующих правовых норм в язычестве.

Среди занесенных в летопись упоминаний князьями своего рода, отчины и дедины есть, действительно, несколько таких случаев, когда прямо видно, что в основе соответствующих (обычно — правовых) представлений лежат представления религиозные — языческий культ Рода.

Еще Соловьеву бросилось в глаза то место в Лаврентьевской (под 1169 г.), где рассказывается, как сын Юрия Долгорукого, Михалко, в схватке с половцами чуть было не погиб, «но, — добавляет летописец, — бог отца его молитвою избави его от смерти». «Князь Юрий Долгорукий никогда, — замечает по этому поводу Соловьев, — не был причтен церковью к лику святых»⁵, и, значит, его посмертная помощь сыну предполагает не церковный культ святых, а нечто иное. Ссылаясь тут же на древний обычай «считать всех умерших праведниками», да и самый рассказ приводя лишь как иллюстрацию из прошлого к радуничным поминальным обрядам, Соловьев не оставляет сомнений в том, как он понимает обращение Михалки за помощью к умершему отцу: как ту самую языческую «окличку» умерших предков, которая уцелела, с одной стороны, в фольклоре и отреченной письменности, а с другой — в церковно-дисциплинарных запретах и обличениях.

Древнерусская обличительная литература против язычества в лице двух старших памятников: «Слово некоего христороубца» и «Слово о том, како погани

⁴ См.: М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Л., 1926, с. 121—122.

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, с. 78, прим. 5.

сущи языци кланялися идолом» — одинаково начинается, в оригинальной части своих приписок, с настойчиво повторенных несколько раз упоминаний о «Роде и Рожанице»: «Кое же суть идолослужители?» — спрашивает автор. И отвечает: «То суть идолослужители, иже ставят трапезу рожаницам... иже молятся огневи под овином, вилам, Мокошьи, Симу, Рылу, Перуну, Волосу скотью богу, Хорсу, Роду, Рожаницам и всем проклятым богом их... иже ставят лише кутья, ины трапезы законного обеда, иже нарецаются беззаконная трапеза, менимая Роду и Рожаницам в прогневание богу» («Слово некоего христолюбца»); «Но и ноне по украинам сего не могут ся лишити, проклятого ставленья 2-ые трапезы, нареченные роду рожаницам» («Слово о том, како погани сущи языши»). Речь идет о внецерковных, «вторых» поминках по умершим предкам сверх канонического поминания в храме с положенной при этом раздачей кутьи, «законного обеда». Где именно совершалась «беззаконная» вторая трапеза — уясняется из целого ряда обличительных и дисциплинарных памятников: местом для нее мог служить просто пир, или нарочно для покойников вытопленная баня (с которой, кстати, связана в нашей летописи не только шутка над новгородцами апостола Андрея, но и космогония волхвов), или, наконец, самое место погребения. О таких трапезах знал уже Кирик, автор древнейшего памятника русской церковно-дисциплинарной литературы. А их приурочение к местам погребения: к курганам, жальникам и позже к городским кладбищам — засвидетельствовано уже для глубокой древности драгоценным рассказом летописи о поминках Ольги по Игорю. «Пристройте (т. е. приготовьте), — говорит она через посла древлянам, — меды многы... да поплачюся над гробом его» (т. е. на месте погребения), и «створю тризну мужю моему». «Ольга же приде к гробу его и плакася по мужи своем», т. е. совершила обряд оплакивания: «и повеле людям съсути могилу велику», т. е. насыпать над погребением холм; «и яко соспоша, повеле тризну творити», т. е., когда насыпали холм, стали совершать тризну — обрядовый бой; «по сем», т. е. по окончании тризны, «седоша пити» (Ипатьевская). Об обычае «мертвых кликать» на жальниках по погостам и ставить там трапезы упоминает Стоглав, говорят и наблюдавшие этот обычай иностранцы (Петрей, Олеарий). Словом, свидетельства о почитании Рода не оставляют сомнений в том, что этому культу принадлежало исключительное место в русском язычестве: ни той или иной областью, ни социальным слоем, как, скажем, культ Владимировых кумиров, этот культ, очевидно, не ограничивался, будучи повсеместным, исконным, общенародным⁶. И в обрядовом своем выражении он поминками, конечно, не ограничивался; кроме смерти родоначальника, немалым событием в жизни архаического рода — а затем и в пережившем его культе — были брак и родины. То и другое тоже несомненно весьма долго сохраняло отпечаток языческого обряда, на что немало есть указаний в тех же обличительных и дисциплинарных памятниках.

И при всем том культу Рода в древнерусском быту приписывался до сих пор сугубо частный, семейный только характер. Ограничиваясь по большей части догадками о возможной древности соответствующих фольклорных данных (радуничных окличек, причетей и т. п.) да перечнем соответствующих церковных обличений, исследователи об общественном значении этого культа даже не ста-

⁶ Свод данных о нем см: *Н. М. Гальковский*. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I. Харьков, 1916, гл. VI.

вили и вопроса. Указание Соловьева на летопись до сих пор ничье внимание не привлекло. А между тем оно стоит того, чтобы на нем остановиться. Дело в том, что отмеченный Соловьевым признак: полуязыческая молитва к неканонизованному церковью предку—указанным местом летописи не ограничивается: вслед за приведенным эпизодом под 1169 г. помощь «дедней и отней молитвы» тому же Михалке оговорена также под 1171 г.; затем «отца и деда его молитва и прадеда его» под 1176 г. помогает Михалке же в борьбе с Ростиславичами; под 1193 г. «деда и отца молитвою святою» избавляется от пожара князь двор Всеволода; под 1217 г. «молитва отца и дедня» водворяет мир между Всеволодовичами Константином и Юрием; под 1223 г. «молитвою отца своего Константина» (умершего в 1218 г.) спасается от гибели на Калке Василько Константинович; наконец, под 1294 г. «молитвою деднею и отнею» спасается от татар Михаил Тверской. Ни один из этих посмертных доброхотов своего потомства: ни Владимир Мономах, ни отец его Всеволод, ни Всеволод Большое Гнездо, ни сыновья его Константин и Ярослав—опять, как и Юрий Долгорукий, никогда канонизированы не были. И замечательно, что этот красноречивый след языческого культа Рода тянется на пространстве, ограниченном от конца XII до конца XIII в. через древнейший лишь текст Лаврентьевской летописи; в параллельном тексте более поздних сводов (Радзивилловского и Московского академического) имеем ряд не менее красноречивых поправок: в одном случае «отца его молитвою» исправлено на «святого отца», т. е. родителя заменил духовник (под 1169 г.); в другом случае (под 1193 г.) все упоминание родичей вообще выпущено. Дала, как видно, знать себя рука духовной цензуры. Проникновение в летопись полуязыческого культа княжеских родоначальников совпадает как раз с тем периодом, когда так обострены были разногласия относительно правовых основ княжеской власти, начиная с реформаторской деятельности Андрея.

Внецерковную молитву к умершему родичу, в последний раз засвидетельствованную летописью под 1294 г., нельзя не сопоставить с другими пережитками языческой старины в той же среде удельных князей XII—XIII вв.: во-первых, с обычаем давать новорожденному князю два имени и, во-вторых, с отличным от крещения обрядом постригов.

Двойные имена наших князей различаются летописью как «княжие» («русские», «мирские») и крестильные, например: «родися у него сын и нарекоша и в святем крещеньи дедне имя Михайло, а княже Ростислав, дедне же имя» (Ипатьевская под 1173 г.), это о сыне Рюрика Смоленского. Под 1177 г. аналогичное известие читается о сыне Игоря Святославича Новгород-Северского: «родился у Игоря сын, и нарекоша имя ему в крещении Андреян, а княжее Святослав» (Ипатьевская), т. е. «княжее» опять дедово; под 1192 г. «княжее имя» нарекает своему сыну Всеволод Суздальский и опять «деда своего имя» (Воладимир). Присущий, как видно, всем ветвям русского княжеского рода одинаково, явно не соблюдавшийся, однако, уже Андреем обычай этот мог корениться опять только в языческих представлениях о нерасторжимом единстве живых и умерших родичей: недаром «княжее» имя так часто оказывается одновременно «дедним»; недаром, с другой стороны, и исчезают эти имена одновременно с внецерковной молитвой предку, в поколении сыновей Александра Невского, в конце XIII столетия⁷.

⁷ Позже единичные обладатели «княжих» имен встречаются лишь на юге да в Рязанской земле, чему были свои причины (см. ниже).

Было ли связано наречение «княжего» имени с постригами — неизвестно. Но та подробность, что «постриги» (упоминаемые в Лаврентьевской и Ипатьевской под 1192 г., только в Лаврентьевской под 1194, 1212 и 1302 гг.) сопровождалась посадением трехгодовалого князя из рук отца «на конь», говорит во всяком случае о внецерковном характере и этой обрядности. А в таком случае посвященный характер самых постригов — острижения первых волос — не мог не предполагать нецерковного же, языческого, адресата для приношения (как догадывался уже П. А. Лавровской); косвенно это подтверждается следующим обличительным текстом XVI в.: «Волови и еретицы и богомерские бабы — кудесницы и иная множайшая волшебствуют и с робят первые волосы стригут»⁸. Трудно не отождествить этот позднейший, уцелевший по «украинам»⁹ двоеверный обряд с княжескими постригами XII—XIII вв. Но что в приведенном тексте «первые волосы» предназначались Роду, видно из стоящего рядом упоминания всегда неразлучных с ним Рожаниц («а бабы каши варят на собрание рожаницам»). Замечательно, что в «Хоэфорах» Эсхила Орест на могилу отца приносит как раз то же самое:

В день первый юности волос своих
Я срезал прядь, в дар Инаху — вскормившему.
Вторая прядь — тебе, отец, поминный дар¹⁰.

Наши княжеские постриги тоже восходят, следовательно, к языческому культу Родоначалника. Да и исчезают они из летописей почти одновременно со вторыми «княжими» именами и с внецерковной молитвой предку — в первое десятилетие XIV в.

На что мог опираться в своих принципиальных возражениях Андрею его непримиримый противник, Мстислав Ростиславич Храбрый, теперь должно быть ясно само собой: на эти самые унаследованные от старины пережитки языческого культа Рода. Двумя-тремя столетиями позже русский книжник будет знать, что подобные пережитки отыскиваются только «по украинам». Напротив, в XII в. на них основываются еще пока собственные традиции княжего властвования.

Как в владетельном праве князей, так и в «княжих» именах и молитвах сакральная связь родства редко простирается дальше деда: отстаивал ли князь вотчинные свои права, он говорил сопернику-родичу: «одиного деда есмы внуцы, а колико тебе до него, толико и мне»; нужна ли была в трудных обстоятельствах особая помощь, опять-таки и ее подавала «дедня молитва»; связывало князя с дедом и носимое им «дедне имя». И до каких пределов конкретности эта связь простиралась — увидим ниже. На такой стадии застают княжеский культ Рода наши источники XII—XIII вв. Нельзя, однако, не поставить вопрос о более древней стадии княжеского родопочитания: указания на какие бы то ни было культурные пережитки до тех пор не могут быть вполне убедительны, пока пережиткам — «переживаниям» — не предпослан породивший их культурный феномен более ранней эпохи. Родопочитание, обезличенное в современном фольк-

⁸ См.: А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 551—552; см. также: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, с. 176.

⁹ Например, у донских казаков (см.: М. А. Максимович. Собр. соч., т. III. Киев, 1880).

¹⁰ См.: Древнегреческая драма / Пер., вступ. статья и примеч. А. И. Пиотровского. Госиздат, 1937, с. 70.

лоре до безыменного «доможила», домового — «пастена», было, конечно, в доисторическом прошлом и у менее видных родов, чем княжеский, необезличенным; и если и исторических князей — Рюриковичей, — в самом деле, объединял сравнительно так долго родовой культ, то он не мог первоначально тоже не быть культом родоначальника. Только в поисках такого родоначальника для князей Рюриковичей надо сразу же, конечно, отказаться от самого Рюрика: установленная А. А. Шахматовым искусственность, книжная нарочитость сравнительно поздно внесенной в летопись варяжско-новгородской генеалогии киевского княжеского дома, подтверждаемая как нельзя лучше совершенным отсутствием имени Рюрик среди «княжих» имен XI и первой половины XII в., безоговорочно исключает этого легендарного родоначальника из числа действительно возможных. Зато весь интерес подобных поисков сразу же переносится на грандиозную фигуру Олега, без имени которого, в противоположность Рюрику, не обходилось почти ни одно поколение Рюриковичей XI—XIII вв., и даже в XV в. не обошелся последний вообще носитель «княжих» имен, Олег Иванович Рязанский. Его историчность, при наличии договора 911 г., тоже вне сомнений. Исторична, с другой стороны, и княгиня Ольга: ее пребывание в Константинополе в 955 г. засвидетельствовано Багрянородным. И вот, если оставить пока в стороне не только Рюрика, но и возводимого к нему генеалогически Игоря, а все внимание сосредоточить на Олеге и Ольге, то не может не броситься в глаза сразу же поразительное во всех отношениях сходство этих двух княживших в Киеве первой половины X в. лиц: созданная Олегом племенная федерация с «матерью городов» в центре расширяется и внутренне организуется походами и «уставами» Ольги; одинаково независимы у обоих отношения с Византией: оба одинаково «хитры»; оба овеяны легендарным преданием со скандинавскими параллелями; оба носят, наконец, одно и то же имя: Ольга — форма женского рода от древней формы мужского, с глухим гласным: Ольг, Олег. Вспомним подобное же сходство имен — мужского и женского — в другом, почти одновременно возникшем княжеском центре — в Полоцке: имя Рогнежь — однокоренное с отцовским именем Рогволод. На «теснейшую родственную связь» Ольги с Олегом уже указывалось, например, В. А. Пархоменко¹¹. Признать, действительно, Ольгу за дочь Олега не мешает хронология — крестившаяся в преклонном возрасте в 955 г. Ольга вполне годится в дочери заключившему в 911 г. с греками договор Олегу. Но если надо, в самом деле, признать Ольгу дочерью Олега, а его самого — подлинным родоначальником пошедших от нее киевских князей, то как, спрашивается, объяснить умолчание о столь простых и незабываемых, казалось бы, фактах, в нашей Начальной летописи? И зачем вместо них понадобилась ей хитро-сплетенная путаница с родством Олега и Рюрика, Игоря и Олега? Одним «норманнизмом» летописца вопрос этот, как сразу видно, не разъясняется: в династы варяжского происхождения годился ведь и Олег, с гораздо меньшим притом насилием над фактами, чем полувывмышленный Рюрик. Но в том-то и дело, что руководящей тенденцией нашей летописи на всем протяжении XI в. было стремление если не обойти совсем, то по возможности снизить историческую роль Олега. В этом бесспорно убеждает сопоставление реконструированных А. А. Шахматовым летописных сводов: Древнейшего (1039 г.) и Начального (1095 г.) — с возникшей из них «Повестью временных лет».

¹¹ См.: В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913, с. 104.

Те три эпизода, из которых слагается общеизвестный рассказ летописи об Олеге: захват хитростью Киева, поход на Царьград и смерть от укравшейся в конской голове змеи — были внесены в летопись, как выяснил А. А. Шахматов, далеко не сразу. Древнейший и Начальный своды из трех эпизодов знали только два первых. В Древнейшем своде Олег выступал в качестве самостоятельного князя, без всяких указаний на родство с Рюриком и Игорем, как завоеватель Киева, сам и севший там княжить; наконец, как покоритель Византии, возвратившийся после победы над нею в Киев, «несы злато и паволоки и вино и овощь и всяко узорочие». «И прозваша и (его) Олег веший, — говорит летописец, — бяху бо людие погани и невегласи». Укорительной этой сентенцией по адресу давших Олегу прозвище «невегласов» весь рассказ об Олеге в Древнейшем своде, как надо думать, и заканчивался¹². Следовавший далее рассказ про Игоря уже не упоминал Олега вовсе.

Укор «невегласам» вообще входил в одну из двух главных целей автора Древнейшего свода. Как установлено в другом месте, смысловой центр этого первого на Руси летописного памятника сосредоточивался на «речи философа» и ответном после крещения «исповедании веры» Владимира, причем самое крещение интересовало составителя Древнейшего свода во всяком случае не с фактической стороны, а исключительно лишь со стороны идейной. Не только в рассказе о крещении Владимира, но и на всем остальном протяжении этому памятнику, несомненно, присуща была одна и та же вероисповедная идея: превосходство крещеной Руси над Русью языческой, «новых людей христианских» над старыми «невегласами»; по принципу такого контраста и группировались в Древнейшем своде отдельные его эпизоды. Уже первый рассказ о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, т. е. о киевских эпонимах, живых носителях топонимики племенного центра полян, в XI в. был, несомненно, в силу одной своей древности культовым преданием о почитавшихся полянами пращурах... Рассказ о племенных родоначальниках полян и заканчивался поэтому в Древнейшем своде полемическим выпадом против язычества: «бяху же погани, жруше озером и кладезем и рощением, яко же прочии погани». Далее сходное осудительное указание на язычество заканчивало или сопровождало собой: 1) предание об Олеге: «И прозваша и Олег веший; бяху бо людие погани и невегласи»; 2) рассказ о крещении Ольги: «и рече (Ольга) ему (патриарху): людие мои погани и сын мои»; 3) рассказ о варягах мучениках: «Бяху бо тогда человеци невегласи и погани», и, наконец, 4) риторический плач дьявола над только что принявшим крещение Владимиром: «и се уже изобижен есмь от невегласа».

Итак, целый ряд эпизодов объединялся, вероятно, по отрицательному для летописца признаку отразившегося в них язычества. Тематически связаны были между собой и эпизоды противоположного рода. Рассказ об Олеге стоял, таким образом, в теснейшей связи с другими языческими эпизодами памятника, в частности с первым из них, о родопочитании у полян. Нравоучительная концовка

¹² См.: В. Г. Ляскоронский. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913. — Еще одна фраза, читающаяся (с позднейшим добавлением) в Комиссионном списке Новгородской летописи и относимая на этом основании А. А. Шахматовым тоже к составу Древнейшего Киевского свода: «Иде Олег Новгороду и оттуда за море, и уклюну и змия в ногу и с того умре», включающая, как видим, местное киевское предание о смерти и похоронах Олега в Киеве (см. о нем ниже), впервые могла появиться, конечно, только вне Киева, вероятно в Новгороде, и, следовательно, в Древнейшем Киевском своде, во всяком случае, не читалась.

в обоих эпизодах одинаковая: «бяху же погани» — о жертвах озерам, кладезям и рощениям, «и бяху людие погани и неведгласи» — о присвоении Олегу прозвища «вещий». То и другое, и жертвы, и прозвище, на взгляд составителя Древнейшего свода, было явлением одного порядка, одинаковым порождением ненавистного ему язычества. Этот бесспорный вывод из анализа текста сразу же лишает, между прочим, всякого вероятия гипотезу А. И. Лященко о дружинном происхождении Олегова прозвища, означавшего будто бы то же самое в переводе на русский, что и собственное его имя: Ольг — Helgi — «светлый»¹³. При таком значении прозвища незачем было бы летописцу ссылаться на мрак язычества. Но что ссылка на язычество была тут, действительно, необходима, видно из документального материала прямых обличений язычества; в позднейшей практике древнерусского исповедника слово «вещий» имело почти столь же широкое распространение, как и «волхв» или «кудесник»; это были синонимы лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками значений. «Есть ли за тобою вещество, рекше ведание некоторое, иль чары?» — спрашивал духовник¹⁴. А покаянный номоканон, т. е. сборник правил о церковно-дисциплинарных взысканиях, говорил о «вещицах»: «Вещица аше покается, лет 9, поклон 500». Та же самая 9-летняя эпитимия, с пятьюстами поклонов на день, положена в том же сборнике «жене обавающей туждих своих», т. е. уличенной в наговорах чародейке. «Вещица», очевидно, и есть название такой чародейки. И подобно тому как женская форма «волховь» или «волхва» (из тех же памятников) предполагает однозначную, более распространенную в древности мужскую форму «волхв», так, конечно, и «вещица» в памятниках XV—XVII вв. предполагает однозначную древнюю форму «вещий». Прозвище Олега, данное ему «неведгласами», говорило о сверхъестественной силе и знаниях этого князя-кудесника, им приписывая все то, что он сумел совершить: из летописного прозвища воссоздается, таким образом, в точности тот же облик, что из былин про Волха Всеславича. Если еще учесть, что этот признанный в народе кудесником князь был и на самом деле весьма крупной фигурой: победителем Византии и фактическим родоначальником княжеской династии, то в лаконизме рассказа о нем первого летописца нельзя будет не признать чисто вероисповедного антагонизма.

От древнейшей версии летописных рассказов об Олеге обращаясь к следующей, в Начальном своде 1095 г. (по Комиссионному списку Новгородской), не менее поражаемся и ее трактовкой этого, несомненно, крупного образа. Древнейший свод, при всем его лаконизме, по крайней мере не искажал фактов: князь Олег там и был выставлен князем, правда, без дальнейших уточнений, кем приходился ему преемник его Игорь, что, впрочем, и не входило в задачи нашего первого летописца вовсе: предки Ярослава, при котором Древнейший свод был составлен, автора свода интересовали не сами по себе, а лишь в отношении к прославляемой им новой вере. Составителю Начального свода, работавшему через пятьдесят с лишком лет после составления Древнейшего, интересы княжеского дома были несравненно ближе. Однако в отношении Олега это проявилось лишь отрицательно, в явном искажении уже внесенных в летопись фактов: введя впервые в литературный оборот династическую легенду о Рюрике, составитель

¹³ См.: А. И. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // ИОРЯС, т. XXIX, 1925, с. 254—288.

¹⁴ См.: А. Алмазов. Тайная исповедь в православной церкви, т. III. Одесса, 1894, с. 166.